симости от индекса стабильности значений слов — каким бы методом это не делать это, для высоко-стабильных корней различие будет очень заметным. Далее, в зависимости от значений p_{rand} получаем ε — которое, вообще говоря, будет заметно выше p_{arg} при низких значениях p_{rand} .

В действительности все эти оценки — пока лишь подготовка к главному: к сравнению **между** семьями. Вот тут-то и должна заработать процедура массового сравнения. Необходимые ингредиенты — **высокие уровни уверенности в исконности определенной лексики** внутри отдельных семей (см. расчеты выше) и **наличие большого числа семей для сравнения**, чтобы на основании тех же рассуждений, что и выше, большого числа фонетически сходных форм в разных семьях и высокого уровня уверенности в их исконности прийти к вы-

воду о вероятном исконном родстве этих форм на макроуровне: уровне родства **между** рассматриваемыми семьями. При попарных сравнениях, по очевидным причинам, такой вывод будет заметно затруднен.

На самом деле, как нетрудно заметить, приведенные выше процедуры являются, в определенном смысле, процедурами «ступенчатой реконструкции». Речь не идет, разумеется, о реконструкции исторической фонетики и установлении праформ — объектом «реконструкции» выступает в данном случае гипотетический список форм-потомков в языках-потомках. Это существенно меньше, чем достоверно установленные праформы и исторические соотношения, но с точки зрения статистики почти столь же хорошо для лексикостатистического анализа с целью выявления дальнего родства.

Г. С. Старостин

Российский государственный гуманитарный университет / РАНХиГС (Москва)

Ответ на статью К. И. Позднякова «О пороге родства...»

Статья Константина Позднякова (далее — КП) вновь поднимает ряд вопросов, чрезвычайно актуальных для современного этапа развития компаративистики, и, поскольку автор во многом отталкивается от недавно опубликованной мной монографии («Языки Африки. Опыт лексикостатистической классификации»), большая часть которой посвящена как раз этим вопросам, я с удовольствием использую эту возможность для того, чтобы уточнить отдельные моменты собственной концепции, а заодно и снять некоторые критические возражения автора или предложить возможные пути разрешения обозначенных им проблем.

В первую очередь, я бы охарактеризовал статью КП как набор любопытных и во многом полезных размышлений, формально связанных друг с другом, но не имеющих единой общей цели (по крайней мере, очевидной). С одной стороны, автор ставит в начале текста вполне конкретный вопрос — «можно ли классифицировать языки на уровне макросемей, не используя ступенчатую реконструкцию на базе сравнительно-исторического метода?» — и в конце текста получает на него столь же конкретный ответ (нельзя). С другой стороны, остается не вполне яс-

ным, к кому обращен этот вопрос. Активные «сплиттеры» (убежденные противники любых гипотез о дальнем языковом родстве) и без статистических выкладок КП уже давно пришли к тем же самым выводам. «Ламперы»-гринбергианцы, оперирующие псевдометодом массового сравнения, принципиально работают не со списком Сводеша (который, очевидным образом, не удовлетворяет критерию «массовости» сравнения), а с полным корпусом лексического и грамматического материала, и для полемики с ними требуется совсем другая статистика. С таким же полным корпусом предпочитают работать и этимологи-традиционалисты, отказывающиеся замечать какие-либо фундаментальные различия между «обычным» и «макросравнением» и относящиеся к лексикостатистике предельно скептически (такие, как, например, покойный А. Б. Долгопольский), так что их из потенциальных адресатов статьи тоже, наверное, можно выкинуть.

Естественно было бы предположить (и какое-то время мне именно так и казалось), что статья обращена в первую очередь на критику некоторых теоретических положений, вынесенных мной во вводную (методологическую) часть вышеупомянутой

монографии, где предлагается некоторая, сама по себе довольно сложная, процедура установления относительного языкового родства для макросемей на «сверхглубоких» уровнях, не предполагающая при этом полной реконструкции праязыков ветвей-потомков. Эта процедура на определенных этапах действительно предполагает сравнение поверхностной фонетической структуры языковых форм, которое может осуществляться в виде автоматического алгоритма, т. е. претендует на некоторую степень объективности, не попадая напрямую в зависимость от интуиции исследователя-компаративиста.

Однако между тем, как предлагается осуществлять сравнение в монографии «Языки Африки», и той процедурой сравнения, которую тестирует на материале атлантических языков в своей статье КП, есть и немало существенных отличий — таких, которые, скорее всего, фундаментально повлияли бы на результаты, полученные автором. Кратко суммирую здесь лишь некоторые из них.

(1) По утверждению КП, «следует сжиться с фактом, что десяток сходств при реально существующих алгоритмах их выделения — это всего лишь норма случайных созвучий между любыми языками». Но при каких алгоритмах? КП иллюстрирует свое утверждение на примере сопоставления слов английского языка и атлантических языков темне (11 сходств), биафада (12 сходств, из них 4 под вопросом), бедик (12 сходств, из них 4 под вопросом), налу (14 сходств, из них 9 под вопросом), лимба (10 сходств, из них 4 под вопросом), манкань (10 сходств, из них 4 под вопросом). При этом, однако:

- автор использует *чрезвычайно* либеральный алгоритм сопоставления; семь его основных принципов, описанных выше в тексте статьи, которые, помимо прочего, допускают объединение в рамках одного класса чересчур большое число согласных, а также игнорирование «слабых» согласных в середине слова. По сравнению с этим алгоритмом применяемый в нашей монографии подход не позволил бы считать «сходством» такие «англо-темне изо-гlossы», как *bark : foki*, *little : lol*, *seed : ma-sənt*, и даже *woman : bom*;
- автор бывает непоследователен в вопросах от- деления от корня как «застывших», так и вполне продуктивных префиксов. Например, темне *ka-bant* ‘кость’ сравнивается с англий- ским *bone* с отделением префикса, в то время как биафада *nasin* ‘нос’ сравнивается с англий- ским *nose* несмотря на то, что *na-* в этой форме, судя по источникам, — точно такой же

именной префикс. Такого рода непоследова- тельности, разумеется, ведут к дальнейшему увеличению случайностей;

- наблюдаются и отдельные, возможно случай- ные, семантические неточности: например, английское *hand* сравнивается с бедик *ε-kənd*, хотя в словаре М.-П. Ферри однозначно указы- вается, что *ε-kənd* — это ‘bras, de l’épaule au coude’, в то время как *hand (main)* на бедик бу- дет *ε-jēt* и с *hand* несопоставимо.

Таким образом, утверждение о *норме* в десять случайных созвучий справедливо далеко не для всех «реально существующих алгоритмов», а лишь для таких, которые основаны на чрезвычайно доз- волятельных и размытых стандартах поверхност- ного сравнения. Если же применять алгоритм, аналогичный описанному в «Языках Африки», то, например, число поверхностных сходств между бедик и английским с двенадцати по версии КП падает до четырех, и т. д. Так что, вопреки утвер- ждению КП о том, что «выделение десятка непере- секающихся классов не улучшает дела», количест- во выделяемых классов на самом деле влияет на результат даже при принятии универсального стандарта — и, на мой взгляд, система, изначально предложенная А. Б. Долгопольским, вполне под- ходит на роль такого стандарта, соблюдая разум- ный и типологически обоснованный баланс между «чрезмерной дозволятельностью» и «чрезмерной строгостью» сравнения.

(2) «Возникает простой методологический во- прос: как быть, когда, например, класс R, вклю- чающий только вибранты, не представлен в одном из языков? В гола отсутствует фонема /r/. Это озна- чает, что /r/ волоф вообще ничему не может соот- ветствовать в гола». Вообще говоря, в рамках на- шей системы классов в класс R попадает не только вибрант /r/, но и плавный /l/ (что основано на ти- пологически частотном в языках мира колебании между этими двумя фонемами), который, на- сколько мне известно, в гола наблюдается, так что данный пример не очень удачен.

Допустим, впрочем, что ситуация сложнее, и в сравниваемом языке /r/ изменился не в /l/, а в /d/, т. е. соотв. фонема действительно перешла в дру- гой класс. В этом случае в рамках принятой в на- шем исследовании методологии в дело вступает т. н. *метод ручной коррекции* — переоценка резуль- татов подсчетов «поверхностных сходств», осно- ванных на универсальной системе критериев, с учетом «локальной специфики», т. е. легко обна- руживаемых и описываемых особенностей фоно- логической системы языка, не «отлавливаемых»

универсальным алгоритмом. Грубо говоря, если фонему /r/ языка А «не с чем сравнивать» в языке Б, «ручная коррекция» находит для нее в языке Б ближайший эквивалент, основываясь на данных типологии фонетических изменений (где «ближайшим соседом» класса R оказывается фонема d в классе T). При желании «ручную коррекцию» можно формализовать и более жестким способом (например, с помощью статистических подсчетов частотностей фонем или через привязку к т. н. дистанциям Левенштейна), но в целом все эти проблемы носят технический характер (и уж во всяком случае, представляются тривиальными по сравнению, например, с гораздо более фундаментальной проблемой распределения по консонантным классам такой «экзотики», как щелчковые фонемы).

(3) Разумеется, и при более строгих алгоритмах поверхностного сравнения не только не исключены, но и засвидетельствованы отдельные (редкие) случаи, когда число случайных сходств между заведомо неродственными или чрезвычайно дальнородственными языками превышает ожидания и оказывается сопоставимым с числом неслучайных сходств для других пар языков (хороший пример: 10–12 случаев совпадений между английским и омотским, описанный в недавней работе А. Касьяном). Если на это наложить еще и актуальный для некоторых ситуаций ареальный фактор, то, конечно, само по себе поверхностное сходство двух языков, потенциально родственных на уровне очень старой семьи или макросемьи, серьезным аргументом признать нельзя.

Однако ни в работах С. А. Старостина, оперирующих методами «поверхностного» сопоставления языковых форм, ни в моей монографии, собственно говоря, и не предлагается выдвигать даже предварительные гипотезы о языковом родстве на основании прямолинейного сравнения современных языков, связанных потенциальным родством на «макросемейном» уровне. Вообще, очень важно, чтобы любая ситуация родства, так сказать, осознавалась максимально *динамично* — не на основании отдельно взятого анализа сходств между двумя статическими точками, а в рамках некоторого хронологического пространства, где это родство можно проанализировать в том числе и на предмет естественности его эволюции.

Так, в частности, как уже неоднократно в своих работах отмечал С. А. Старостин, если число совпадений между языками при перемещении сравнения с более современного на более древний уровень остается неизменным, совпадения эти, скорее всего, случайны; если же родство настоящее, число

это должно возрастать (т. е. между древнеанглийским и древнерусским должно быть больше сходжений, чем между их современными потомками, а между прагерманским и праславянским оно должно быть еще больше). Любопытно в этом смысле посмотреть на то, как будет вести себя «английско-темне» сопоставление при выходе, например, на уровень «прагерманско-мель» — подозреваю, что общее число сходжений не только не увеличится, но и, хуже того, на место одних сходжений хотя бы частично встанут другие (поскольку прагерманские эквиваленты современных английских слов будут существенно отличаться по своей консонантной структуре).

В монографии «Языки Африки» неоднократно подчеркивается неправомерность «поверхностного сопоставления» по методу консонантных классов для языков, связанных потенциальным родством, более глубоким, чем уровень группы, т. е. в случае атлантических языков такому сравнению должна предшествовать «очистка» материала — выявление наиболее перспективных претендентов на выражение того или иного сводешевского значения на уровне отдельной группы или ветви. Если такая «очистка» приведет к тому, что число сходжений между условным «пра-мель» и прагерманским уменьшится, а возрастет, причем так, что «английско-темне» параллели не будут *заменены* новыми параллелями, а, наоборот, будут ими *дополнены* — значит, языки мель и германские языки, скорее всего, родственны. Однако с большой вероятностью этого не произойдет.

Теперь несколько слов относительно проблематичности критерия динамической градации, который КП подробно рассматривает на примере материалов статьи С. А. Старостина, подключая к ним собственные данные по атлантическим языкам. Хотя сам КП оценивает полученные выводы пессимистично («при таком сильном варьировании индексов стабильности по семьям трудно рассчитывать на эффективное использование усредненных рангов значений для определения языкового родства»), мне, наоборот, кажется, что выводы только подтверждают значимость метода динамической градации.

Дело в том, что выведенный автором график показывает, что *начальная* и *конечная* секции ранжированного 100-словного списка действительно стремятся к универсальной значимости, а это как раз то, что нам и нужно. По существу, на «срединную» часть списка в такой ситуации можно вообще не обращать внимания — достаточно посмотреть, сколько сходжений, отловленных на этапе

поверхностного сопоставления, относятся, скажем, к первым 10—15 элементам ранжированного списка, а сколько — к последним 10—15. Грубо говоря, если в ваших сравнительных материалах совпадают слова типа ‘маленький’, ‘круглый’ или ‘тора’, но отсутствуют при этом схождения в личных местоимениях, числительных 1—2, или таких частях тела, как ‘глаз’, ‘ухо’, ‘зуб’ или ‘рука’, или, если они все же присутствуют, но при этом не обнаруживается явного превалирования сходств второго типа над сходствами первого типа, то ситуация должна расцениваться как подозрительная — своего рода «красная лампочка», которая указывает на то, что не все в порядке и следует обстоятельно протестировать идею возможных контактных связей между языками, или нулевую гипотезу (случайные созвучия).

Рассмотрение ранжированного атлантического списка, представленного КП, показывает, что первые 50 позиций в нем на 30 пунктов совпадают со среднестатистическим 50-словным списком, отобранным для «Языков Африки». С одной стороны, кажется, что это не сильно превышает порог случайности (при котором ожидалось бы порядка 25 совпадений). С другой стороны, нельзя не отметить, что «атлантический список» — понятие само по себе довольно смутное, т. к. исследования самого КП и Г. Сежерера вроде бы говорят о том, что «атлантической» семьи как таковой не существует, и не является ли в этом смысле попытка замерить индекс стабильности по «атлантическому списку» аналогом попытки замерить такой индекс, скажем, по «ностратическому списку», в пределах которого мы зачастую просто не можем с уверенностью говорить об этимологических (и, соответственно, лексикостатистических) связях между сравниваемыми формами?

Чрезвычайно подозрителен, например, тот факт, что в «атлантическом списке» столь низкие рейтинги (19-е и 20-е место соответственно) занимают личные местоимения ‘я’ и ‘ты’; в этом они сближаются разве что с тайскими языками, но в тайских нестабильность личных местоимений, как правило, связана с вытеснением старых форм «вежливыми» новообразованиями — явление, типичное для юговосточноазиатского ареала, но вроде бы не очень распространенное в Африке. Уже один этот факт заставляет подозревать что-то «неладное» — например, неверную расстановку когнаций, или же просто неправильность подхода к атлантическому списку как к единой сущности. Может быть, следовало бы вместо единого атлантического списка просчитать рейтинги стабильности по твердо установленным группам (мель, бак и т. п.).

Кстати говоря, замечание КП относительно того, что «в самом конце списка [по различиям коэффициентов первой и второй половин. — Г. С.] оказываются все три африканские семьи плюс австралийская», совершенно не обязательно связано с тем, что за пределами Евразии языковые семьи ведут себя как-то по особому в плане среднестатистической устойчивости своих индексов; на самом деле все эти семьи объединяет не столько их «неевразийность», сколько элементарная неразработанность этимологии. Афразийская семья — это макросемья, где определение когнаций на самых верхних уровнях (кушитские и омотские языки + все остальные) чрезвычайно сложно и противоречиво; койсанская семья, как и атлантическая, скорее всего, представляет собой несколько семей, а про австралийскую этимологию и говорить нечего. Так что, вне всякого сомнения, «накопление материалов по стабильности базовой лексики должно быть продолжено», но и с тем, что уже накоплено, как показывает текущий опыт работы с койсанскими и нило-сахарскими языками Африки, работать вполне можно.

Что касается последнего пункта статьи КП, о корнях-изолятах, то я полностью согласен с идеей автора о том, что такие корни следует как минимум инвентаризировать и публиковать. Более того, в рамках моего собственного исследования, объединяющего этимологический подход с лексикостатистическим, ровно это и делается — поскольку в основу анализа кладется не этимологический корпус, а полный список Сводеша, все такие корни оказываются как минимум замеченными, как максимум же иногда проводится попытка их этимологизации, например, как возможные заимствования (не обязательно из древних субстратов, иногда получается и объяснить их как относительно недавние заимствования из соседних семей). Вообще, на мой взгляд, одна из основных проблем современной макрокомпаративистики связана с чрезмерным фокусированием исследователя на «общем» между дальнородственными языками — качественная теория родства требует не только обнаружения между ними системных сходств, но и реалистичного учета и объяснения накопленных расхождений.

Откуда берутся «корни-изоляты»? При условии, что речь идет действительно о родственных языках (что для атлантического массива справедливо на «низких» уровнях дерева, но не столь очевидно на «верхних»), здесь могут быть только два объяснения, и думаю, что оба должны быть в разной степени верны. Во-первых, до тех пор, пока у нас нет четкой системы фонетических соответствий между

атлантическими языками, не содержащей существенных лагун и наглядно иллюстрированной на материале опубликованного корпуса, вряд ли можно поручиться, что все эти «корни-изоляты» действительно несводимы к тем или иным корням праатлантического или, за неимением такового, нескольких «праатлантических» языков (пра-мель, пра-бак и т. п.).

Во-вторых, в отличие от КП, я был бы готов вполне серьезно отнестись к гипотезе о «шести десятках субстратов» на западноафриканском атлантическом побережье. Не очень понятно, откуда берется число 60 — т. е. понятно, что оно соответствует общему числу атлантических языков, в каждом из которых обнаруживаются «корни-изоляты», но почему мы обязаны считать, что каждый язык обязательно заимствовал из уникального субстрата? Размышляя логически, для этого нам потребовалось бы выполнение следующих условий: (а) некоторые значения (будь то «сводешевские» или любые другие) в *каждом* атлантическом языке выражаются формами, несводимыми друг к другу; (б) ни для одной из этих форм мы вообще не можем предложить никакой внутренней этимологии и вынуждены считать их заимствованиями. Однако речь, насколько я понимаю, идет о другом — в каждом атлантическом языке то и дело встречаются «загадочные» слова с неизвестной этимологией. Это совершенно не эксклюзивно-уникальная особенность атлантических языков: она характерна для подавляющего большинства языков Африки, да, пожалуй, и всего мира.

Единственный тип ситуации, при котором «субстратная» гипотеза была бы априорно маловероятна — это ситуация, при которой территория Западной Африки заселяется носителями атлантических языков «с нуля»; но вроде бы история атлантических народов и археологические данные твердо говорят об обратном, так что в факте смешения атлантических племен с «доатлантическим» населением региона вряд ли приходится сомневаться. Насколько лингвистически разнообразен был этот регион до того, как в нем обосновались разные группы «атлантов», можно только догадываться, в том числе, кстати, привлекая как раз «субстратные» данные, особенно таких богатых на «странные» слова языки, как лимба и т. п.

Можно ли использовать «корни-изоляты» для определения рангов стабильности элементов списка Сводеша? Думаю, что нет или, по крайней мере, такую процедуру следует проводить обособленно от процедуры определения рангов стабильности, описанной в статье С. А. Старостина. Дело в

том, что если в статье Старостина стабильность измеряется в первую очередь на основании *внутренних* замен, то «корни-изоляты» (если только это действительно корни-изоляты, а не нормальные унаследованные основы, для которых не удалось пока найти достоверную этимологию) — это в первую очередь замены *внешние*, т. е. обусловленные специфическими социо-культурными условиями. Ранжирование сводешевских элементов на этой основе, скорее всего, будет как минимум сильно отличаться от ранжирования по методу Старостина, а как максимум, составление для него некоторого общеуниверсального индекса (который учитывал бы и атлантические субстраты, и сонгайско-берберские контакты, и судьбу дравидийского языка брахуи, и китаизмы в тайских языках, и латинизмы в албанском, и т. д. и т. п.) вообще не будет иметь никакого смысла — впрочем, попробовать, конечно, можно.

Резюмируя вышесказанное, хочется в любом случае выразить благодарность автору статьи за поднятые им вопросы и высказанные предложения — хотя бы уже за то, что в статье кратко и наглядно суммируются все основные проблемы, которые ожидают исследователя при попытке применения метода «предварительного лексикостатистического обследования» к материалу столь трудного языкового массива, как атлантический (хотя, на мой взгляд, «трудность» его вполне сопоставима, а во многих отношениях существенно уступает «трудности» анализа, скажем, койсанского языкового массива, к которому этот метод был применен вполне успешно). Будущее покажет, насколько успешно эти проблемы получатся преодолеть (в том числе и в рамках продолжения моего собственного проекта по детальному лексикостатистическому обследованию языков Африки).

В определенной степени согласен я и с основным выводом автора («получается, что все равно нельзя»), *при условии*, что мы точно понимаем, чего конкретно нельзя — а именно, формулировать гипотезы языкового родства на глубине «*before Indo-European*» через поверхностное сопоставление базисной лексики современных языков, следующее размытой и предельно обобщенной системе правил и критериев. Там же, где поверхностное сопоставление (а) осуществляется на основе четко сформулированной и типологически обоснованной системы правил, (б) сочетается с дополнительными проверочными фильтрами, такими как ясно оговоренная процедура «ручной коррекции» и тест на динамическую градацию результатов, (в) учитывает принцип ступенчатости, т. е. требует

хотя бы прикидочную реконструкцию *пра*списков для сравнения на глубоких хронологических уровнях, оно, на наш взгляд, представляет собой вполне законный и, может быть, даже оптимальный способ формулирования серьезных гипотез языкового родства на разных уровнях *без* сопутствующего требования полной реконструкции этимологического корпуса (которая, кстати говоря, для многих языковых семей по ряду технических причин вообще не может быть осуществлена).

Что касается альтернативных критериев, защищаемых в последнем абзаце текста КП (морфологические изоглоссы, фонологическая статистика и т. п.), то, разумеется, ни «предварительная», ни «финализирующая» лексикостатистика не отменяют их значимости. Дело здесь скорее в следующем: для любой науки важная задача — правильная расстановка приоритетов, а для лингвиста, занимающегося проблемами языкового родства, важнейший приоритет — выявление в языке максимально устойчивого «ядра». На роль такого «ядра» в качестве *универсального* стандарта, как неоднократно аргументировал в своих работах С. А.

Старостин (и с этим я полностью согласен), в наибольшей степени претендует именно базисная лексика, а если это так, то, разумеется, все остальные критерии по определению могут быть обозначены как «сопутствующие». Другое дело, что бывают ситуации, когда (а) базисная лексика сравниваемых языков известна нам в недостаточной степени — например, из-за неаккуратности описания, или из-за того, что описание фокусируется исключительно на грамматике, или, как это часто бывает с древними письменными языками, известные нам тексты представлены лексикой в основном культурного характера; (б) сравнение базисной лексики осуществляется некорректным образом — это уже вина исследователя, а не искривление закономерного процесса языковой эволюции. И с той, и с другой ситуацией надлежит бороться — в первом случае стремиться к полноте и аккуратности описания, а также к полноценному учитыванию всех доступных источников, во втором — к повышению качества методологии, в чем мы все, разумеется, заинтересованы и чему, хотелось бы надеяться, данная дискуссия тоже будет способствовать.

К. И. Поздняков
INALCO, IUF, LLACAN-CNRS (Paris)

От дальнего родства позиций — к ближнему
(ответ на отзывы Г. С. Старостина и Д. Р. Лещинера)

Прежде всего хочу поблагодарить журнал за предложение опубликовать статью в рубрике «Дискуссии». Это идеальный формат для любого автора: он позволяет получить квалифицированные отзывы на публикацию и к тому же ответить на критику. В определенном смысле проще отвечать, когда в отзывах выражается прямое несогласие с авторской позицией. Сложнее реагировать, когда рецензенты обсуждают мотивы написания статьи, цели, которые преследовал автор, круг ее потенциальных читателей и другие вопросы, имеющие лишь косвенное отношение к развиваемым в статье положениям, и при этом выражают согласие с ее основными тезисами. Если оставить в стороне дипломатические обороты, суть отзыва Г. С. Старостина (далее — Г.С.) я понял так: в статье содержатся отдельные интересные наблюдения, но не вполне

ясно, зачем и для кого их нужно публиковать. Г.С. прямо характеризует статью «как набор любопытных и во многом полезных размышлений, формально связанных друг с другом, но не имеющих единой общей цели (по крайней мере, очевидной)». Прежде всего, я охотно принимаю первую часть этой формулировки. Что касается «целей», то они вполне точно сформулированы самим Г.С. в конце его отзыва: «в статье кратко и наглядно суммируются все основные проблемы, которые ожидают исследователя при попытке применения метода „предварительного лексикостатистического обследования“ к материалу столь трудного языкового массива, как атлантический». Надеюсь, что это именно так — для этого статья и написана.

Тогда в чем же основная проблема, которая перевела статью в русло полемики? В отсутствии по-